

Т.Г. Доссэ

Интерпретация псалмов как творческая деятельность

Специфика жанра переложения псалмов проявляется не только в процессе понимания, но и в процессе собственно интерпретации.

Искусство интерпретации было рождено личной виртуозностью толкователя, но герменевтика утверждает возможность универсальной действенной интерпретации. По Ф. Шлейермахеру, искусство интерпретации состоит в том, чтобы «с объективной и с субъективной стороны приблизить себя к автору текста» [1]. С объективной стороны это осуществляется через понимание языка автора, с субъективной – через знание фактов его внутренней и внешней жизни. Это положение абсолютно верно для рассмотрения образа автора – перелагателя в ходе стремления приблизиться к нему как к личности. Но необходимо учитывать сопряжение сознания автора с «сознанием» Псалтири как представлением о духовной сути человека вообще, понимать компенсаторную и коммуникативную функции богодухновенного текста. Таким образом, как интерпретационная деятельность по переложению псалмов, так и ее теоретическое осмысление имеют определенные особенности.

Шлейермахер в своей «Герменевтике» выводит общее методологическое правило для интерпретатора: «а) следует начинать с общего представления о целом; б) продвигаться одновременно в двух направлениях - грамматическом и психологическом; в) идти дальше..., если для каждого отдельного места оба истолкования совпадают...; г) при несовпадении следует возвратиться назад и найти ошибку» [2]. Он видит две вины интерпретатора в неточности: неправильное понимание и недостаточная языковая осведомленность.

Если взять ряд русских поэтов, перелавших псалмы (Полоцкий, Грек, Кантемир, Третьяковский, Сумароков, Ломоносов, Державин, Майков, Языков, Глинка, К.Р., Шенгели, Аверинцев, Коржавин), то вряд ли можно их обвинить в языковой некомпетентности или неправильном понимании: это люди глубоко образованные и знающие Псалтирь. Проблема, на наш взгляд, именно в «психологическом направлении» интерпретации. Уникальная субъектная организация переложения даже одного и того же псалма, созданная каждым автором как субъектом творчества, рождает феномен литературного психологизма, открытого профессором Б. Корманом. Насущная задача переводчика и истолкователя – найти действительную полноту и единство значения используемого автором слова, соотнеся его с общим контекстом произведения – не может быть таковой для переложителя Псалтири, и виной тому особый психологизм псалма, где субъект эстетического восприятия отождествляет себя с лирическим героем, воплощающим взаимодействие не только личного и коллективного, но и Высшего сознаний, а исповедальная жанровая основа псалма выливается в субъективно-личностный механизм переложения [3].

Один из редчайших переложителей псалмов советской эпохи, известный переводчик Г. Шенгели в статье «О моей работе» [4], рассматривая проблему точности, отмечает, что точность может быть «смысловая»: сказано то же; «стилистическая»: сказано так же; «телеологическая»: сказано для того же. В случае интерпретации псалмов наблюдается стремление как к «смысловой», так и к «стилистической» точности, но достижение ее невозможно в силу указанных выше особенностей жанра, в силу того, что текст Псалтири многосмысленен. А вот «телеологическая» точность, кажется, практически абсолютна, цель одинакова: жажда открытого общения; обращение к Господу с мольбой, с рассказом о своих бедах, с благодарностью; желание разобраться в самом

себе, в своих душевных перипетиях, обрести покой. Вероятно, эта точность прежде всего способствует выражению глубокого психологизма псалма, а значит, и психологическому воздействию его переложения на личность: каждый человек может найти здесь образец душевного состояния, так как цель у всех одна – излить и излечить душу. В этом «личностный смысл» и автора-творца, и читателя, и Псалтири, «во имя этого» все три субъекта стремятся к общению» [5].

Деятельность перелагателя Псалтири сложнее, чем деятельность поэта: он превращает в произведение не просто жизнь, а псалом, сопрягая сверхличное, богодухновенное, с обыденным личным и социальным сознанием. Известный ученый-литературовед С. Аверинцев, практикующий стихотворные переложения псалмов, подчеркивает сложность данной работы в своей статье «Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию». Древнееврейский источник отличается особой прямоотой и чистотой выражения, которая выбирает кратчайший путь от реальности к слову, от слова к сердцу. «В сравнении с этой прямоотой любое самое прекрасное переложение кажется искусственным и декоративным: торжественность вместо первозданности и благочестие вместо самой святости» [6]. Смысловых расхождений с русскими и церковно-славянскими текстами мало, они – в качестве языка, то есть в энергии речи и облике слова. Слова все более краткие, не наблюдается никакого «плетения словес», характерного для греческих, латинских и славянских вариантов (русские поэты 17-19 веков переводили псалмы именно с греческого и латыни). Славяно-греческая усложненность изменяет звучание псалма, энергию, ритм, но передает оттенки смыслового богатства подлинника, которых иначе и не передать.

Вместе с тем, нельзя игнорировать личность создателя произведения и его творческий замысел. По мнению наиболее крупного представителя современной литературной герменевтики профессора университета в

Виргинии Эрика Дональда Хирша, выраженного в его программных работах «Достоверность интерпретации», «Три измерения герменевтики» и «Цели интерпретации», все созданные интерпретации должны быть соотнесены с авторским замыслом. Авторское намерение является для Хирша «центром», который организует единую систему значения произведения в парадигме многочисленных его интерпретаций. «Принцип авторской авторитетности» ученый вводит как основу, благодаря которой можно судить о достоверности или недостоверности интерпретации [7]. Но данное положение Хирша не совсем применимо к жанру литературных переложений псалмов. Авторитетность богодухновенного разума Псалтири несомненна, но божественный замысел неведом никому, в том числе и поэту-интерпретатору, поэтому вопрос о степени достоверности той или иной интерпретации Псалтири остается, исходя из концепции Хирша, неразрешимым. Разумно говорить только о выражении личных душевных переживаний интерпретатора, сопряженных с «разумом» псалма, что указывает на субъективно-личностный характер стихотворных переложений псалмов, но не на степень их достоверности. А вот попытка рассмотрения псалтирных переложений на основе субъектной организации, где субъектом художественного произведения является не только автор, его сознание и деятельность, а – целостность человека вообще, в органичном соединении личностного и сверхличностного, поможет, на наш взгляд, подвинуться в этом направлении, хотя бы на один шаг.

Несомненно, авторское намерение – это «ядро», организующее произведение, если речь идет о личности конкретного автора – перелагателя и его литературном переложении как авторском художественном произведении. В таком случае цель интерпретации определяется по Хиршу системой ценностей интерпретатора, его этическим выбором. Вопрос только в том, свободен ли автор в выборе той

или иной системы ценностей для себя? Нет, личный этический выбор оказывается всегда социально обусловленным, он осуществляется по некоторым стандартам сегодняшних исторических обстоятельств, а в нашем случае – и на основе вечных Истин Псалтири. Интерпретатор псалма свободен в выборе цели; так же свободен, но отнюдь не случаен и выбор самого псалмодического стиха для переложения. Уже он указывает на цель интерпретатора и его намерения (мы не говорим здесь о случаях полного переложения Псалтири). Но выбор тем, мотивов, условностей языка, то есть выбор значений в большой степени обусловлен каноническим текстом. Переносая теоретические выкладки Э.Хирша на жанр литературных переложений псалмов, можно сказать, что главное в интерпретации Псалтири не только историческая реконструкция сакрального текста и последовательное соединение сегодняшнего исторического контекста с контекстом источника. Крайне важны в процессе интерпретации расширение осведомленности самого переложителя и помощь в его более глубоком понимании себя, своего душевного состояния и своих духовных устремлений.

С. Аверинцев обозначает перспективы интерпретации Библии, и Псалтири в частности, указывая на то, что разработка Книги Книг неизбежно движется все дальше от пророческого опыта в сторону теологической рефлексии: слова в ходе умственного развития дифференцируются в своем значении, и поэтому отходят от статуса «выговариваемого» слова и приближаются к статусу термина. Он называет этот путь путем «от опыта к доктрине» [8]. Не погубит ли такой подход поэтичность и глубокий лиризм божественных стихов царя Давида, их доступность и близость каждому человеку?

Традиционная герменевтика говорит о разнообразных способах понимания, а значит и интерпретации духовного текста: буквальном,

аллегорическом (иногда анагогическом), типологическом, нравственном [9].

Буквальное понимание уходит корнями в традиции древнерусской книжности. Аллегорическое понимание возникает в период развития психологизма в русской литературе, становления лирики (17-19 вв.). анагогическое понимание духовного текста основывается на восприятии интерпретатора, толкователя как исполнителя Божьей воли, как мессии; именно отсюда – дальнейшее понимание поэтического дара как божественного дара, а поэта как пророка. Прообразовательный (типологический) способ понимания смысла богодухновенного текста базируется на отношении к Псалтири как источнику религиозных знаний, что скорее характерно для богословов, чем поэтов. И наконец, нравственное понимание, основанное на библейских заповедях и этических народных представлениях о добре и зле, всегда присутствовало в нашей по большому счету проповеднической, учительной литературе.

Естественно предположить, что способ понимания псалтирных стихов сказывался и на самом процессе интерпретации. Использование переложителями разных способов понимания псалмодического текста в различных соотношениях, безусловно, влияло на структурную организацию переложения как литературного произведения, на внутреннюю диалогическую деятельность субъектов.

Итак, при переложении псалмов специфичен не только процесс прочтения, понимания, но и сам процесс интерпретации. С точки зрения субъектной организации произведения он отличается от процессов перевода и толкования, так как в данном случае особенно ярко проявляется духовно-коммуникативный аспект. Автор выступает одновременно и субъектом, и объектом деятельности, то обращаясь с псалмом как объектом творчества, то подвергаясь в свою очередь мощному воздействию духовной силы Псалтири. Псалтирь при этом также является

как объектом (текстом для переложения), так и субъектом творческой деятельности («строит» личность автора).

В итоге следует отметить, что трансформация оригинала – это его «...конкретизация в национальной культуре определенного времени, это путь, способ наполнения конкретно-историческим смыслом традиционной библейско-поэтической структуры» [10]. Доминирующие при этом библейский пафос, тематика, лексика, стилистика актуализируются новым сознанием, присутствием личностных элементов, личностной мотивацией, и мы имеем объективную закономерность переключения канонического массива в оригинальный текст. Начало этого явления наблюдается еще в древнерусской книжности, например, в «Слове о законе и благодати» и в «Поучении» В. Мономаха: в первом случае перед нами одновременно и проповедь, и оригинальное повествование; во втором – проповедь, исповедь (благодаря псалтирным фрагментам) и повествование о жизни.

Примечания

1. Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / Под ред. Ильина И.П., Цургановой Е.А. М., 1996. С. 214.
2. Там же. С. 215.
3. Бычков В.В. Смысл искусства в Византийской культуре // Эстетика. «Знание». 1991. С. 6-9.
4. Шенгели Г. О моей работе // Литературная учеба. 1990. № 6. С.165-167.
5. Леонтьев А.Н. Поэтический язык как способ общения искусством// Вопросы литературы. 1973. № 6. С. 9.
6. Аверинцев С. Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию // Новый мир. 1998. № 1. С. 94.

7. Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / Под ред. Ильина И.П., Цургановой Е.А. М., 1996. С. 199.
8. Аверинцев С. Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию // Новый мир. 1998. № 1. С. 95.
9. Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 18-19.
10. Там же. С. 31.